

Алексей Козлов

ХОРЬ *и* КАЛИНЫЧ

маленькие поэмы

Алексей Козлов

Хорь и Калиныч. Маленькие поэмы

«Издательские решения»

Козлов А.

Хорь и Калиныч. Маленькие поэмы / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-016833-0

Книга маленьких, иронических, смешных, по виду детских поэм-пародий на шедевры русской поэзии. Сочинения разного времени.

ISBN 978-5-04-016833-0

© Козлов А.

© Издательские решения

Содержание

Хорь и Калиныч	6
Хроника	12
Ходоки	14
Троя	16
Вечные, как Гибралтар	24
Божественная антиклерикальная месса	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хорь и Калиныч Маленькие поэмы Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2016

© Алексей Козлов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хорь и Калиныч

Есть в нашем крае деревня,
Не помню названия всё ж,
Раньше большие кочевья
Здесь вынимали нож.
Реки, леса и хаты —
Вот наш обычный ландшафт!
Жили здесь чаще солдаты,
Списанные на брудершафт.

Ссылные в ветхой станице
Всё то стругали пень,
Как мне хотелось влиться
В тихую жизнь деревень!
В маленькой нашей станице
Изоб, пожалуй, под сто,
Любит здесь люд веселиться,
На дрын повесив пальто,
Любят бодаться колами,
Матерный любят частуш,
Любят дремать под стволами
Старых, корявых груш.
Бабы у нас красивы,
Не вавилонский сброд,
А парни все как гориллы,
Добрые наперечёт.
В этой деревне с обеда,
Деля и стол и кровать,
Жили два добрых соседа
Хорь и Калиныч их звать.
Хорь и Калиныч с испуга,
Иль без причины, кто б знал,
Любили жестоко друг друга,
Надев эполеты на бал.
Вместе они в мировую
Шли на германский редут
Мстить за отчизну святую,
Там, где лишь ляхи живут!
Солнцем овитые нивы!
Дон в угасании зорь!
Хорь отродясь белогривый,
Ну а Калиныч — как смоль.
Часто упившись в ср. ку,
Наш неземной кагал
Весело шёл в атаку,
А впереди — генерал.

В Февральскую, когда адом
Наполнился сельский дом,
Грабили царские склады,
Полные вражьем вином.
Быстро и точно стреляли,
Бегали, как братва,

Песню потом запевали
Стройные голоса два.
Песня у них величаво
Часто будила Фому —
Всё о Фабричной заставе,
Там, где закаты в дыму!
Которому Мать не успела
Даже уж слова сказать,
Когда за рабочее дело
Он заспешил умирать!

Есть в нашей родине слава!
В белых чулках, на коне,
Держа под мышкой бухало,
Скажет комбат, как бывало:
— Солдат Комсомольцев!
Ко мне!
Ко мне! Мы не пыль при дороге!
И не звериный сброд!
Знают на небе боги,
Кто здесь веками живёт!
И сразу из далей и высей,
Из сопок и дальних болот
В ответ донесётся: «Возвысим
«ОССОВИАХИМ» и Флот!»
Годами в военном горниле,
Под вспышками звёздных зорь
Честно отчизне служили
Верный Калиныч и Хорь.

В платье из кошенили
В чёрных чулках на меху
Вместе они кружили
В кавалерийском полку.
Вместе рубали белых,
Когда им привелось
Вдвоём проявляли смелость,
А не позорный авось!
Библия -луччая книжка,
А не ...ня-заморочь!
Сын был у Хоря – мальчишка,
А у Калиныча – дочь.

Так бы их сердце и билось,
Дней уходила чреда,
Когда б той порой не случилась
В деревне большая беда.
С этой тревожной эпохой
Словно сроднился поэт,
Должно быть ещё с Еноха
Не было таких бед!
Дорогой от барского сада,
На хутор Колючий Пырей
Ехала с песней бригада
Вдоль колосистых полей,
«Хлеба стране!
Да скорей!»
Казалось чего ещё надо?
В мире большая страна!
Мы замочили гада —
Гада меньшевика!
Мы замочили кадета!
Тут им не Альбукир!
Кто нам спасибо за это
Скажет на весь мир?
Больше белый не будет
Гадить с попом заодно,
Больше кулак не прокутит
Всё трудовое зерно!

В это же время за морем,
В тихой святой стороне
Стройный Калиныч за Хорем
Тихо трусил на осле.
Ах, золотистые дали,
Солнечный склон на горе!
Часто на фронте мечтали
Люди о новой поре!
Везли они в город на рынок
Снизку сушёных рыб,
Пару германских пластинок
И найденный в поле гриб.
Вместе они увидали
Пыльный отряд ездовых,
Вместе они поскакали
Встретить троих седоков,
Спросить их: «Питья не надо!
Может, ещё чего?»
А тут из Колхозного сада
Солнце уже ушло.
Хмурились донские дали,
Громко кричали враны —

А комсомольцы искали
Спрятанный хлеб страны!
Обшарили всю округу,
Тыкали штыком в копну,
И говорили друг другу:
«Хлеб спасёт нашу страну!»
Было его немало,
И обнаживши сталь,
Партия их послала
С заводов и фабрик вдаль!
Двое – малые ребята,
Третий – тёртый калач,
Всем – ничего не свято,
Плачь ты хоть тут, иль не плачь!
Долго не стал собираться
Солдат Комсомольцев вдаль:
– Мы – коммунисты ведь, братцы,
А не какая-то шваль!
Жизнь – не простая штука!
В ней победит не любой!
Был командир у них – сука,
Настоящий плейбой!
Калиныч неловко спешился,
С мыслями: «Ай-яй-яй!»
Он в этот год отличился —
Снял неплохой урожай.
И Хорь не обижен в пьянке,
Значит, расклад таков:
Снял он с хорошей делянки
Семьдесят семь мешков:
Десять мешков толокнянки,
Динадцать – мака стебли,
Сою он спрятал в портянки,
И двести мешков конопли.
«Вокруг нас ленивые морды,
Бия баклуши живут!»
В нём закипала гордость
За свой, за крестьянский труд!
Марья была довольна:
«Купим платок и шаль!
К Троице треугольный
Добавим летучий фонарь!
И заживём, как Саша...
Мельник! Ты помнишь его?...
Дом его – полная чаша!
В доме навалом всего!
Расчёска – о ней в гордыне,
Мечтал хитропопый Арон,
«Библия» в ледерине

И голубой патефон!
Теперь душевная рана!
Перевернулось всё вмиг!
Наполеоновским планам
Путиловец сделал кирдык!
А комсомольцы галдели:
«Это понятно ежу!
Вы, товарищ Петелин,
Не правы, я вам скажу!
Всякий в пустыне скиталец!
Вот, что я вижу, старик:
В рот им засунь только палец-
Руку отхватят вмиг!
У каждого хата с краю,
А хлеба навалом средь дыр!
Я этот народец знаю!
Всё закопали в сортир!»
Вы говорите, не надо
Вечером драть дышло,
Мол, из колхозного сада
Солнце уже ушло!
Умеет дать подзатыльник
Мелкопоместный барон!
Есть у него и будильник,
И городской патефон!»
Кто его знает, как встретят
Нас хуторяне под ночь,
Не каждый второй из них бредит
Нам с продразвёрсткой помочь!
Придётся метелить их горько,
Приказ командарма таков!

Хорь и Калиныч тихонько
Глянули из кустков.
Переглянулись неловко,
Руку подали вслед —
Коль уж идёт перековка,
То верных рецептов нет!
Прокравшись по кошенили
В революционном бреду,
Путиловцев всех замочили
В тихом колхозном саду.
Всех аккуратно разули,
Ни слова не выдав из уст,
И на могиле воткнули
Пышный смородинный куст.
Долго кукушка рыдала,
И каждый думал: «По мне!»
Долго заря полыхала

В невыносимом огне.
Жнец уберёт, что посеет,
Всё справедливо в миру!
Куст каждый год пламенеет
В августе на юру!

Есть в нашем крае деревня,
С названием Богудож.
Раньше большие кочевья
Здесь вынимали нож.
Вспомнилось старая рана
Рыжий комбат на коне,
И голосок из тумана:
«Солдат Комсомольцев!
Ко мне!»
Зимою по горло валило.
Снежное море в свету.
Я, вспомнил, когда это было, —
В тридцать первом году!
Вспомнилась дева – отрада,
Пыльное овин и село,
И как из колхозного сада
Солнце за гору ушло...

Хроника

О, как ужасно в век суровый,
Неблагодарный и пустой
Пребыть колхозною коровой
С босой, понурой головой!
Как грустно видеть в щель сарая
Топор, ведро, верёвку, пень,
А там вдали, где птичья стая —
Ошмётки дымных деревень!
Бежит по косогору стадо!
Грустит о добром Ильиче
Горбун с пропитым в детстве взглядом
С хлыстом тяжёлым на плече!

Как жутко муравьём родиться,
И на горбу таскать бревно,
Чтоб выжив чудом, возгордиться
И говорить: «Мне всё равно!»
Как больно быть пчелой — и мимо
Лететь неведомо куда!...
Их участь, впрочем, несравнима
С ужасной участью совка!

Не в плавках сила! Сила — в знаниях!
С тоской посматриваю я
На повторенья, заклинанья!
На участь честных среди воря!
О, смертнорусская истома!
Да, наш удел весьма суров —
Как гости пребываем дома
Средь нагловатых чужаков!
Веками — пыль, глупцы и мухи,
Грязь непролазная дорог,
И те же нищие старухи,
Привыкшие латать носок!
Спит под звездой нерукотворной
Земля, рождающая дух...
Дух безнадёжности покорной
К всевластию навозных мух!
Пусть насмеются соседи!
Всем вопреки умеем мы
Жить без Божественных Комедий
Комедией своей судьбы!
Порой среди дикого бедлама,
Спасаясь чудом от беды,
Мы смотрим в землю...

Где же яма,
В которой кончатся следы?
Прекрасны плесени узоры!
Чу, наводняют сирий стан
Легко линияющие своры
Попов, бандитов, партизан...
Кого ещё судьба подкинет?
О том не знает человек!
И это он пройдёт, и минет
Неведомо который век!
Рабы рабов при слове мёртвом!
Видать Всевышний нам велел
Дышать веками духом спёртым,
Отбросами заморских дел!
Но как придёт захватчик лютый
С освобождением своим,
Рабы в течение минуты
(Невесть зачем!) кончают с ним!
Чтобы потом свои сатрапы,
Забыв об участи рабов,
Набив карман, потёрли лапы
И улыбнулись средь гробов!

Я вижу их! Паны и слуги,
Запёртые в земную клеть...

P.S. ...Не надо мне бы на досуге
Немецкой хроники смотреть!

Ходоки

В Лабутенах выделки нездешней
Сквозь поля, «Макдональдсы» и дрок
Шёл в Москву один хипарь сердешный,
По мирскому делу ходочок.
Нос картошкой, покрасневший яро,
Шарф на шее, сумка на горбе,
Ну и разумеется гитара
С фестиваля песни ДЦП.
В нём жила, как глист, мечта пиита
Повидать Володю, и ходок
По пути поддрачивал сердито,
Выдувая изо рта парок.
Шол в Москву увидеться с Мессией
Сорок дней и сто ночей подряд
Попросить «Недлинную Гуссию»
Уканать, уехать, принять йад!
Прекратить кристьян и смердов грабить,
Сбереженья бабушкам вернуть.
Удивлялись все – такая память
Совести вовек не даст уснуть.
Уходили и сменялись лица,
Исчезал во тьме за домом дом
Удостоверение партийца
Прижимал он к сердцу кулаком.
Оттого, что родину наверно
Он любил с любой властью врозь,
Шол он сквозь раздолбанные фермы
И через погосты шол насквозь.
Проходил без шума робкой тенью,
Без кощунства, воплей и пальбы
Через монастырские владенья,
Где молились честные попы.
Шол и шол, переступая ловко
Чрез говно и всяческую слизь.
Он полгода не снимал толстовку,
И смотрел последним глазом ввысь.
Жаль не знал он Фоканова Вовку,
А не то б они точняк сошлись.
Не хотел стрелять он из базуки,
А хотел спросить орлов в гнезде:
Что же вы наделали здесь, суки?
Вы живёте здесь иль абы где?
Так и шол, стуча клюкой мужчина
И когда был несказанно пьян,
Кепарём или кустом жасмина

Гнал зелёных инопланетян.
Сверху облака и звёзды плыли
Свинка, Мышь, Лягушка и Варан
И сверкал как донышко бутyli
Сердцу дорогой Альдебаран.
Шол он в летний жар, метель и стужу,
Не снимая потных лабутен.
Не спросил никто: «Да почему же
И куда канашь, старый хрен?»
В Лабутенах выделки нездешней
Сквозь поля, «Макдональдсы» и дрок
Шёл в Москву один хипарь сердешный,
По мирскому делу ходочок.

Троя

Ах, бедный Йорик! Помнишь, как с зарею
Меня кидал ты, когда мы в наперстки
С тобой играли, а порой в пристенок?

– Ни в коем случае, а в коем ли бы ни,
Но я о том, о том, о том, в чем сущность
Подслушанной за домино трепни!
Я сам в сад философский, словно в куши,
Вхожу и говорю себе: «Верни!»
– Вернуть? Да никогда!
– Дурак!
– Ну, ни во веки!
– Меня ты рассмешил!
– Мне не до шуток!
– Что свойственно, о боже правый, миму?
– Идем в бардак, где можно скинуть схиму
Перед очами Марфы и Ревекки!

* * *

В часу втором я третий позвонок
Четвертой власти гладил пятернею,
А стал шестеркой, когда в день седьмой
В восьмерку превратилась ось телеги,
И годы полетели – девять, десять,
Одиннадцать, эти их всех, но тут
Двенадцать рыл апостолов явились
И все на одного, да, все на одного
Двенадцать месяцев, двенадцать иностранцев,
Счастливый рой, я был так возбужден,
Что не заметил следующих чисел,
А надо бы, но умоисступленье
Заворожило черного дрозда.
Да надо бы, бы надо, бы, бы надо,
Когда б не тот ли, кто там же еще?
Никто нигде никак не засветился,
Я потерял дорогу, красоту,
Земную жизнь прошел до половины
И в предпоследней трети опочил,
Чтоб силу инкарнации изведать,
И вот проснулся скунсом в колесе
С своею миской, ложкой и струею.
Ко мне порой приходят пионеры,
Шахтеры, проститутки, даже бомжи,
Доцент, два кандидата, академик,
Русалка, извлеченная из тины,

Кибальчиши, Плохиш, два Буратино...
Приходят зайцы с длинными ушами,
Слоны и рыси, я на них смотрю
Раскосыми и жадными очами,
Как гордый Буревестник или змей,
Потоками Иордана омытый,
Вблизи Крестителя с его желанной шайкой,
Да, медным тазом, коий угодил
На голову Отчизны величавой
И с ног свалил свирепого колосса,
Что назван был Империею Зла,
Иль просто импиреей, в час досуга
Меня ты, няня, от беды спасла
Попавшего между враждебных рас
И в Болдино, старушка, проводила,
И там я на закорках написал
Все лучшее, что мыслимо в природе.
Здесь я бродил по хвое, мху, по водам,
Как по суху, хотя был мокр от страха,
За судьбы Родины, меня здесь пристрелили
Сарданапал-злодей, о той дуэли
Я в небе вспоминаю... Нет, Ильич,
Не зря мы шли извилистой дорогой
И все мы не умрем, и гордый дух
Заводчика Морозова и Павла
Все ж в нас живет, как бrenная свеча
В руке у обезьяны павиана.
Ужо тебе! Ужо тебе! Далила!
Вблизи Кремля московскими ночами
Я часто проходил, терзая ноги
О Мавзолей, где Штирлиц величаво
Годами охранял от мух святыню
И духов отгонял своею тростью,
О зланные притоны, о бараки,
Черемушки, омовцев, солдатов,
О Керасиров, вылезших некстати
Из-под земли Вальпургиевой ночью
И о тебя Нерон Цезарионыч,
Источник столь свирепого пожара,
Что мне не по себе, скажу по чести.
И там, вдали от Новгородской Сечи,
Цепляя фалды Грозного царя,
Копеечку просил на пропитанье
И получил по жопе сапогом.
Да, было все, да было все, да, было,
И есть что вспоминать: о комсомоле,
Репейном морсе, сталинских ударах,
Брижжит Бардо, Кибелле многогрудой,
О поездах, грохочущих в пустыне

Своими буферами золотыми,
Стене Китайской, коей я дарил
Любимые напевы Шаалиня,
Ядра Кунфу, Конфуция, от плебса
Ядреной отделенного стеной.
Я не забыл, забыл ли я, я помню
Издательство, где я сточил всю жопу
Об эти стулья, гвозди и столы
Труды великих гадов и мерзавцев
По чести превзошедших Герострата
В своем маразме чистом и святом.
Я испытал, мне ли мечтать о лучшем?
Не мне, не вам, придут другие люди
И в ясности товарища узрят,
Который композитором от бога
Рожден в деревне Синей Ляпеги
Взрос как крапива, в город занесен
Монгольской Ордою Чингиз Хана,
Чтоб, как Рязань, нас всех испепелить
Назло туземцам добрым из Борнео,
Мадагаскара, Чада и Шри Ланки
Я проклиная напрочь эти бусы
Да Гаму и Колумба и Авось,
Который надругался над Юноной
И пысал супер-мощною струей.
Здесь обмелел мой разум и рассудок
Сгустился над землей, здесь я сточил,
Я говорил о том, две ягодицы,
И волчьей ягодой накормлен был сполна,
До основания. Пиррову победу
Я одержал носком от сапога,
И Крошка Цахес был тому свидетель.
О нем я помню. Сплав благих народов,
Честнейший смертный, хулиган и вор,
Чья мудрость превзошла диван Гафиза,
Изгнанник, Дантовед и демагог.
Во дни сомнений тяжких и раздумий
Я б вырвал, если б мог, его язык
И сжег в костре далекой Саламанки.
Его друган – завзятый Вороненок,
Нахохлившись сидел на облучке
И карканьем тревожил птицу-тройку,
Изобретенье русского царя
Где три богатыря на Черномора
Идут веленьем русского народа
И пестуют Антихриста гузном.
Чекиста три: два добрых и немой
Встают пред оком ласковым Перуна,
Готовые на подвиг и на смерть.

И Крошка Цахес, уцелев случайно
В горниле испытаний и побед,
На отдых вызывает Вороненка,
И вдохновенно чадо двух народов,
Честнейший смертный, смотрит в небеса.
От Кнессета судьбою отделенный
Он здесь осел, и тихо угнездившись,
Пустив коренья в Северной Пальмире,
Он был одним из тех, кого люблю.
Он сеял только доброе, но втуне
Пошли его деянья всеблагие,
И проповедь похерена была
Все семьи одинаково счастливы,
Ну а в несчастье разница, ничтяк.
Так он бряцал пред нами фонарями
Вокруг двух глаз, их не могло быть больше.
Природа нас такими сотворила —
Уродами без страха и упрека,
Лишив навек достоинства и чести,
Но напоив божественной струей.
Да, он бряцал пред нами фонарями,
Бряцал и бряцал, бряцал и бряцал,
Пока ума бедняга не лишился,
Даря супруге толоконный лоб
С индийской мушкой посреди пустыни
Сократовского лбищи или лба.
За блуд с позором выгнанный пинками,
Он моросил слезами по притонам,
И дочерей свирепых проклинал,
И сыпал пепел на башку седую,
Где муторно торчали три сосны.
Он напоил послушливые стрелы
Нетрезвых шуток ядом самомненья
И проклинал Гоморру и Содом.
Все языки смешал он в Лукоморье,
Но башня не поднялась у него,
Поскольку средь зеркал одни Горгоны,
И кротостью не славятся они.
Как блудный сын бродил он по вселенной
И призывал на головы мерзавцев
Все беды, бури, стрелы и мечи,
Пока не обносившись, с голой жопой,
Он не осел в конторе на шесток.
Мир горний пробуждался по утрам
Своим Кукареку. Здесь я кончаю
Историю Ромео и Джульетты
Которые любили так друг друга
Что отошли в один и тот же день
Так пусть же, пусть же, пусть же Конь Троянский

Струю испустит над челом скитальца,
Сколь многоумным, столь и всеблагим.
Кончаю я пред Господом и вижу:
Гонимые сверкающей звездой,
Волхвы уже несут свои дары —
Бочонок рома, ладана и смирны
И десять пар колготок «Филодоро».
Нет виноватых! и слеза страдальца
Струится меж персей у Андромахи...
Я не могу! Прости, Кизил Троянский
И прочие бабцы, я ухожу
Под грозами и бедами Вселенной!

* * *

Когда бы лень меня не увлекала
В свои чертоги, шхеры и палаты,
Я был бы членом мощного Рот-Фронта
И делал на досуге шоколадки,
Купался б в молоке, сусле и пиве,
И был бы сыром на вершине голой
Вдали Сизифа злого с кирпичами.
Я бы воздал величию бесштаных
Борцов за правду, мытаря Матфея
Я б переплюнул на олимпиаде
В амфитеатре спаленной Помпеи,
Везувий многоротый проклиная.
Я б дал оценку всякой божьей страсти
И взвесил на весах дела людские.
Я был бы там, где жгли Джордано Бруно,
И мог быть птицей Феникс, коей Фридрих,
Великий сын немецкого народа
В свирепой битве обломал рога.
Иль вру, иль вру, иль вру —
Франциск Асизский
Нашептывал стихи Шехерезады,
Взопрев от многословья. Я б не был,
Кем быть хотел, и быть бы мог, кем не был!
Гетерою без страха и упрека,
Аспазией в разборках меж спартанцев
И бешеным Атиллой с головою
Размером с чан пивной, но Медный Всадник
Мне пересек абсциссу, ординату
И голову в Борнео потерял.
Он бродит по лесным холмам Кинтайра
Как Пол Маккартни, Леннона ища.
Я остаюсь собой, междоусобье
Меж пчелами благими проклиная
И пью на брудершафт змеиный мед.
Я удаляюсь. Множась, словно слухи,

Мои раздумья погребли мой разум
Под пеплом Антарктиды, и пингины
Благословенья просят у меня.

* * *

Быть пидором без страха и упрека
Не мой удел. Стремлюсь я в раже бранном
Под грозные твои, о Троя, стены,
Под этот ров и Дантовы спирали,
Где я надеюсь сотворить подкоп.
И мужеством свергая неприступность
Стать твердой лапой у Пяти Углов.
Уже вдали созвездья Андромеды
И Сириус и Солнце, все планеты,
Плывущие в бескрайний океан,
Заложник штиля, мрака, Кровью Марса
Я напоен. Все ближе, ближе, ближе
Твои бока нелепые, Земля.
Бильярдный шар, попавший в эту лузу
В потоке света я эфир врезаю
Сплотившийся вкруг крупновским железом
И вот уж над похищенной Европой
Склонить крыла. Включаю тормоз, чтобы
Смочь разыскать в провинции Востока
То место, из-за коего сыр-бор,
Тот город, вкруг которого вся драка
Кипит как суп с костями агнеца.
Уже блестит надменный щит Гектора
Я отражаюсь в нем небритой рожей,
Желая поучаствовать в разделе
Чужих домов и прочего добра.
Войска истомлены отнюдь не блудом,
С цветами Рипербана, Монпарнаса
И чайной церемонией. Отнюдь!
Пустой желудок вкупе с вождельем
Всетщетно грызает эти стены,
Не в силах подступиться. Льется дождь
Последних стрел и масло из лампы
Поместной Ярославны, смоль и ядра
Уже текут на голову мою.
Струятся вниз. Над силой тяготенья
Смеется тот, чьи бранные мгновенья
За пять минут вселенной сочтены.
Но замысел, созрев плодами ада
Из-под земли сегодня вырастает.
Войска уходят, оставляя хлам,
Костры и пики, но блестит победно
Схороненный в кустах Троянский конь
На тонких ножках лживое создание,

Подарок черта глупости чужой
И никого. Из крепости высокой
Вылазит первым пьяный Чиполлино,
Поддерживая юных герцогинь.
Спартак выходит с детскою трещоткой,
Сицилии дитя, он так любим
Арийским плебсом, жадным до наживы,
И деревянный конь уже скрипит
Суставами, колеса напрягая,
Чтоб влезть в ворота, где его уж ждет
Омытая кухарками пивная.
Внутри коня порядок и покой
Все затаились, червяки в навозе
И ждут сигнала, закурить нельзя,
Не выдав хитрый план, над коим бились
Монтень и Маркс, Шилькгрубер и Эйнштейн.
Глаза слезятся камедью и медом.
Завернутые в старые трусы,
Мечи не брякнут о базальт обшивки,
Но Шатл взлетел. Ату его, ату!

Густее всех чернил, ночная мгла
Вокруг клубясь и пенясь, окрылила
Тугую дверь и скрипнула она.
Война, война, война, война, война!
Пусть глупый сон узнает силу фальши!
Пузатой Гаргамелле в тесном стойле
Покажет силу праздного ума!
Среди резни, костров, огня и взвизгов,
Солдат, средь лестниц, не найдется места
Где бы гнездо свилось для тишины.

Так гордые ахейцы победили!
Так хитрость, мудрость наглая и злая
Разделала безумцев под орех!
Так был затоплен древний Геркуланум
Святой водицей Марсовой клоаки,
Так шум времен повертывая вспять,
Бог Марса показал себя опять!

* * *

О бедный Йорик! Череп из бумаги
Я так любил вращать, предполагая
Как все могло бы быть, как все стряслось,
Все изошло и все накрылось крышкой,
Как вышло все из Гоголевской длани
Из плащаницы, на которой Бог
Свой облик отпечатал и отлил.
Когда приходит черная суббота,

Двенадцати святошам вопреки,
В одиннадцать часов нисходит кто-то
По десяти ступеням у реки.
Обременен девятым легионом
Цезарион восьмой бросает в бой
И семеро следят над ним со стоном
Свечение планеты голубой
Пред ликом опрокинутой девятки
Оставшиеся пятеро бредут
И с собственной судьбой играют в прятки
У них в запасе несколько минут.

И троица над Тройственным союзом
Смеется двойне нерожденных льдин,
Но верен дому и вселенским узам
Корабль, что держит путь во мгле.
Один.

Вечные, как Гибралтар

I

Да, кануло в Лету, как грек
Царапал на стенке вот так:
Я – мудрый, большой человек,
А консул Полибий – дурак!
Вогнал грека в землю удар,
Сожрали врага жернова,
Но Вечные как Гибралтар
Остались на стенке слова.

II

Жил Микельанджело – чудака.
Сникая от зависти, он
Писал: «Леонардо – дурак,
Член «Красных Бригад» и масон».
Мир это не в силах забыть,
Ведь трижды коллегу прокляв,
Он искренен был (может быть?!),
Но был он, конечно, неправ.

Да Винч не остался в долгу,
Нашел черный грифель, и вот
Царапает он на суку,
Что враг его «бабник и жмот»,
Что деньги он прячет в сундук,
Что зол он и жаден весьма
И от живописных потуг
Бедняга свихнулся с ума.

Великих не красит навет,
Но этого можно простить,
Ведь Винч не марал туалет
И стены домов (может быть?!)
Коллеги втянулись в войну.
Ножами у римских ворот
Они измеряли длину
И качество вражьих бород.

Идти нужно было домой...
Как Гении Мира, горды,
Пошли: Бонаротти хромой,
А Винчи был без бороды.
Хватил Леонардо удар,
Сожрали врага жернова,
Но Вечные как Гибралтар

Остались на ветке слова.

III

Хоть жили магистры наук,
Уж страшно сказать, как давно,
Писал в туалете сэр Гук:
«Ньютон попивает вино...
Сухой нарушает закон...
А эта научная прыть...
С каких не посмотришь сторон —
Учение нужно прикрыть!»

Гук был академиком, он
Вершил над коллегою суд
И проклял ньютонов закон,
Создатель которого – плут.
Он грифель до корня стесал,
Забывшись черчением эпюр,
Но что он там дальше писал,
Нельзя привести без купюр.

На это сказал Исаак:
– На физике нету креста!
Всем ясно, что Гукер – дурак! —
И дегтем измазал врата.
И века галантного сын,
Соседям нашептывал он:
– Тут много, конечно, причин,
Но Гукер – испанский шпион!
Ударил Ньютона удар,
Сожрали врага жернова,
Но Вечные как Гибралтар,
Не умерли эти слова.

IV

Кто звезды на небе считал?
Считал их железный секстант.
Сальери соседу шептал,
Что Моцарт – большой дилетант,
Что дом его – сущий чердак,
Что нищ он, и мог быть богат,
Поэтому Моцарт – дурак.
(Сальери был явно предвзят)

А Моцарт садился играть,
Искал в композиции прок...
Что друг его может предать —
Он даже подумать не мог.
Да, был выше злобы птенец.

Не ведает зависти дар.
Сальери озлился вконец
И друга отправил в Тартар,

Промолвив: Конец дураку!.. —
От Моцарта нет и следа.
(Жалеть для друзей мышьяку
Не принято было тогда).
Ударил Сальери удар,
Смерть всех остальных забрала,
Но Вечные как Гибралтар
По миру гуляют слова.

V
Маститый писатель стоит
Как глыба гренландского льда.
И вид его всем говорит:
— Не велено! Кто там? Куда?
Как Цербер на цепи (точь в точь)
Твердит он: «Зелен виноград,
Таланту готов я помочь,
Да разве же это талант?»

Творцы от него далеки,
Совсем как Геракла столпы,
И щедрой рукой ярлыки
Он лепит на умные лбы.
Его не ударит удар,
Его не сожрут жернова,
Но Вечные как Гибралтар
Он очень умножит слова.

VI
Да уж кануло в Лету, как грек
Царапал на стенке вот так:
— Я — мудрый, большой человек,
А консул Полибий — дурак...

Божественная антиклерикальная месса

...Насмешливо весьма и очень кратко
Бог осветил источники Упадка
Людской цивилизации, и влез
В всемирно-исторический Прогресс.
Обрушившись в отчаянье глубоком
На скалы Дувра, как на венский стул,
Бог, обозревши Мир суровым оком,
Изрек, что виноват во всем Ромул.
Сорвав покровы с римского гарема,
Он сбросил в бурный Тибр малютку Рема
И смёл с Капитолийского Холма
Когорты, гладиаторов, дома;
Туда же полетел Водопровод,
Квинтилий Вар – источник всех хлопот,
Блудница Рима (будто бы она
Девницею когда -то рождена).
Вослед за этим, не смутясь нисколько,
Свалил все наши беды на Ваала,
На римский блуд, на ханжество святош,
На Целибат кривой,
Прямой монгольский нож,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.